

ЩЕДРЫЙ ДАР

ТВОРЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ

Вы помните у И. С. Тургенева высказывание о голосе: «...в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно — беспечная, грустная снорб». Русская правдивая горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Как ярко характеризуют эти слова качества, особенно привлекающие в русских певцах — Шалыпин, Собинин, Неждановой, Лемешева... Для них, воспитанных на русской народной песне, главным является не блеск виртуозных пассажей, не техника ради техники, уподобление голоса инструменту; они покоряют не силой звука, а его лиризмом, задушевностью, теплотой.

Черты народной песни пронизывают и творчество русских композиторов — оперы и романсы Глинки, Даргомыжского, Бородина, Чайковского. Это не только и не столько цитирование народных песен, отдельных интонаций, сколько глубокая внутренняя связь. Вспомните Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин». В этой партии нет блестящих каденций, высоких нот, трудность ее прежде всего в интонационном рисунке. Наполненная искренним чувством, согретая теплом души артиста, музыка эта прекрасна, в ней мы находим истинно русскую мелодичность, проникновенность.

И вот мы на спектакле «Евгений Онегин» в театре оперы и балета имени Луначарского. Ленский — Артур Жилкин. С первого же появления его мы не просто видим Ленского, но чувствуем — это Ленский такой, каким представлялся еще со школьной скамьи. В выра-

жении его лица, во взгляде, в звучании его голоса есть внутренний свет. Ленский влюблен и не в состоянии скрыть это, он трогателен и благороден, а сколько боли слышится в голосе, когда узнает он о «неверности» Ольги. В Жилкине покоряет беспредельная вера в то, что в данный момент он делает на сцене. Он не изображает, но переживает, потому так убедительны каждая его фраза, каждый жест. Слушая Жилкина, ощущаешь наслаждение, которое он сам испытывает от пения. Обаяние его — в глубокой музыкальности.

С Артуром Жилкиным свердловские любители театра познакомились два года назад. По мнению самого исполнителя, за этот отрезок времени им сделано больше, чем за предыдущие десять лет пения. Еще был он не только вошел в репертуар академического театра, но и участвовал почти во всех его новых постановках. Моцарт в «Моцарте и Сальери» и Левко в «Майской ночи» Римского-Корсакова, Неморино в «Любовном напитке» Доницетти, Арлекин в «Паяцах» Леонавалло — вот новые партии, разученные в Свердловске.

Творческая биография Жилкина довольно обычна. Начал петь в самодеятельности сначала в армии, затем в студии при клубе текстильщиков в Черновцах. Вскоре стал студентом Одесской консерватории и еще с третьего курса был принят в оперный театр. Первая работа — граф Альмавива в «Севильском цирюльнике» Россини, и первая рецензия: «Граф Жилкина — красив, обаятелен, элегантен, артист отлично справился с вокальными трудностями, голос звучит ровно во всех регистрах». Надо сказать, что и сейчас Альмавива — одна из лучших ролей Жилкина, он проводит ее действительно элегантно, с блеском.

В Одессе Артуру пришлось много петь в советских операх. Здесь обнаружилась способность артиста быстро схватывать подчас неудобные, не привычные на слух интонационные обороты современной музыки. Это

умение, казалось бы, неотъемлемо от профессиональных данных, однако дается далеко не каждому.

Некоторые певцы экономят голос — что-то поют вполсилы, зато сольный «номер» подают во всем блеске. У Жилкина мелочей нет. Пропевается каждое слово, все важно, звук полон, щедр не только в арии, но и в каком-нибудь «Мы вслед за вами!». Щедрость эта окупает и некоторые неудачные моменты, когда артист, увлеченный мелодией, порой теряет в сценической выразительности, пластике. Видимо, именно достижение единства звука — слова — жеста, поиски лаконичных и емких деталей позволяют Жилкину ярче выявить природный темперамент, артистизм, сделать каждый образ цельным.

В последнее время часто можно слышать об «осмысленном пении», «интеллектуальном» подходе певцов к роли. И бывает, что под осмысленностью подразумевается только донесение слова, откуда — пристрастие некоторых певцов к декламационности. Но никогда ничто в опере не станет важнее музыки и человеческого голоса. «Таинственную силою своею проникая в глубину души, высказывая ее настроение с таких сторон, которые недоступны ни слову, ни сценическому исполнению, музыка рождает драму в драме, открывает для поэтической мысли новые необъятные горизонты» (А. Н. Серов). Жилкин как раз принадлежит к певцам, ищущим зерно образа прежде всего в музыке.

Сейчас в его репертуаре накоплены и наиболее отшлифованы партии в западных операх, в них мы слышим идущие от русской вокальной школы теплоту и проникновенность. И перспективы творческого развития видятся певцу в интенсивной работе над русской классикой. Сам он пока не совсем удовлетворен своим Ленским, хочется ему спеть Князя в «Русалке», Лыкова в «Царской невесте». Думается, что поиски своего, индивидуального могут быть еще более плодотворными в операх современных, не имеющих постановочных традиций, укоренившихся трактовок. В этой сфере легче проявить артистическую самостоятельность, обогатить актерскую палитру. Поэтому представляется интересной скорая встреча с Жилкиным в роли воина Малхаза в опере «Даиси», редко еще идущей на русской сцене.

С сожалением приходится отметить, что артист пока не проявляет себя в камерном пении. А ведь многие примеры (в частности, С. Я. Лемешева, который является для Артура идеалом многогранности и вкуса), говорят о том, как важно для оперного артиста овладение романсовой, песенной литературой, ставящей перед певцом специфические задачи, требующей высокой и тонкой музыкальности.

Артур Жилкин еще молод, потому верится, что его собранность, работоспособность и влюбленность в пение помогут ему «развернуться» более широко.

Н. ВЕЛИЖЕВА,
музыковед.

На снимке: А. Жилкин в спектакле «Богема».

А. Жилкин в спектакле «Богема»
Л. Свердловск

25.11.1972